

А. Н. ОСТРОВСКИЙ

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНИЙ

ТОМ XI

ИЗБРАННЫЕ ПЕРЕВОДЫ

*с английского, итальянского,
испанскою языков*

1865-1879

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1952

ИНТЕРМЕДИИ
МИГУЭЛЯ СЕРВАНТЕСА СААВЕДРА

Перевод с испанского

БДИТЕЛЬНЫЙ СТРАЖ

(*La guarda cuidadosa*)

ЛИЦА:

Солдат.
Пасильяс, сакристан¹
Грахалес, другой сакристан².
Андрес, парень с кружкой для сбора на икону.
Мануэль, другой парень, торгующий в разнос
полотном, кружевами и пр.
Башмачник.
Кристина, судомойка.
Хозяин Кристины.
Хозяйка.
Музыканты.

Улица.

Входит солдат отважной походкой, в рваной перевязи и в очках; за ним, в некотором отдалении, плохонький сакристан.

Солдат. Что тебе нужно, пустой призрак?

Сакристан. Я не пустой призрак, я твердое тело.

Солдат. Да, но все-таки я заклинаю тебя всем моим злополучием, скажи: кто ты и чего ищешь в этой улице?

Сакристан. Со всем моим благополучием отвечаю тебе: я Лоренсо Пасильяс, подсакристан этого прихода, и

¹ Пасильяс, собственно, не сакристан, а подсакристан — *sota-sacristan* (обязанность их была звонить и убирать церковь) — по-нашему, пономарь. (А. Н. О.)

² Сакристан — то же, что дьячок, (А. Н. О.).

ищу того, что я-то найду, и чего ты тоже ищешь, да не находишь.

Солдат. Ты чего доброго не Кристиночку ли ищешь, судомойку из этого дома?

Сакристан. Tu dixisti ¹.

Солдат. Ну, так поди сюда, валет ² сатаны.

Сакристан. Ну, так я здесь останусь, мне и тут хорошо, кислая пиковая дама.

Солдат. Прекрасно: валет и дама! Недостает туза; но ты скоро его получишь. Поди сюда, еще раз говорю я тебе. А знаешь ли ты, Пасильяс, рожон тебе в горло, что Кристина мой предмет.

Сакристан. А знаешь ли ты, улитка в человечесьем платье, что этот твой предмет я выручил и закрепил за себя и что он мой по всем правам и законам.

Солдат. Нет, как бог свят, я тысячу раз пырну тебя шпагой и исполосую твою голову в клочки.

Сакристан. С тебя довольно и тех клочков, которые у тебя на штанах и на колете; а голову мою уж оставь в покое!

Солдат. Да ты разговаривал когда-нибудь с Кристиной?

Сакристан. Всегда, когда только мне угодно.

Солдат. Давал ей подарки?

Сакристан. Много.

Солдат. Сколько и какие?

Сакристан. Я подарил ей коробочку из-под айвы, очень большую, полнехоньку просвирных обрезков, белых, как снег, и на придачу четыре восковых огарка, тоже белых, как горностай.

Солдат. А еще что?

Сакристан. А еще письмо со вложением ста тысяч... желаний служить ей.

Солдат. И что ж она тебе отвечала?

Сакристан. Обнадеживает, что скоро моей женой будет.

Солдат. Как, разве ты еще не пострижен?

¹ Ты сказал. Здесь — точно так.

² Тут игра слов. Пасильяс *sota-sacristán*, — слово *sota* по-испански значит и под (предлог), и валет. Пасильяс называет солдата *caballo*, а это слово значит и лошадь, и дама в картах. (А. Н. О.)

Сакристан. Нет, я послушник и могу жениться, как и когда мне в голову придет, что ты и увидишь очень скоро.

Солдат. Поди сюда, трепаный послушник, отвечай мне на то, что я у тебя спрашивать! Если уж тебе эта девушка так превосходно отвечала, чему я не совсем верю, на твои жалкие подарки, как же она ответит на мои великолепные? Я ей послал недавно любовное письмо, написанное ни больше ни меньше как на обороте мемориала, где я изложил свои заслуги и настоящую бедность, который я подавал его величеству, потому что солдату не стыдно признаться, что он беден. Мемориал этот уже утвержден, о чем и сообщено главному раздавателю милостыни; и, однакож, я, нисколько не жалея и не думая о том, что это, без сомнения, будет мне стоить от четырех до шести реалов, с невероятным благородством и замечательной свободой написал на обороте его, как я уже говорил тебе, свое письмо; и из грешных моих рук перешло оно в ее почти святые руки.

Сакристан. Еще что-нибудь посылал ты ей?

Солдат. Вздохи, слезы, рыдания, пароксизмы, обмороки и всякие необходимые демонстрации, к которым прибегают добрые любовники, чтобы открыть свою страсть, и которыми они пользуются и должны пользоваться во всякое время и при всяком удобном случае.

Сакристан. А серенады ты ей давал?

Солдат. Да, из моих ахов и охов, из моих жалоб и стонов.

Сакристан. А я так даю ей серенаду колоколами при всяком случае и такую продолжительную, что надоел всем соседям постоянным звоном; и это я делаю единственно для того, чтобы доставить ей удовольствие и чтоб она чувствовала, что я оттуда, с колокольни, заявляю, что всегда готов к ее услугам. Хотя мое дело звонить по покойникам, но я звоню уж, и к праздничным вечерам.

Солдат. В этом ты имеешь преимущество передо мной: мне звонить не во что.

Сакристан. И чем же отвечала тебе Кристина на твое бесконечное ухаживанье за ней?

Солдат. Тем, что она ни видеть, ни слушать меня не хочет, что прокликает, как только я покажусь на этой улице, что обликает меня мыльной водой, когда стирает, и помями, когда моет посуду, — и это каждый день, потому

что каждый день я на этой улице стою у ее дверей; потому что я ее бдительный страж; наконец потому, что я собака на сене и прочее. Сам я не пользуюсь и не дам пользоваться никому, пока жив. Поэтому убирайся отсюда, сеньор пономарь; а то как бы я, вопреки уважению, которое имел и имею к вашему сану, не раскроил тебе черепа.

Сакристан. Да, если ты раскроишь так, как раскроилось твоё платье, так хоть брось.

Солдат. Что платье! Попа и в рогоже знают. Солдат, оборванный на войне, такой же чести заслуживает, как и ученый в истрепанной мантии, потому что она свидетельствует о давности его ученых занятий. Ты смотри, как бы я не исполнил того, что посулил тебе!

Сакристан. Не оттого ли ты храбришься-то, что я без оружия? Так подожди тут, сеньор бдительный страж, и ты увидишь, кто из нас герой-то.

Солдат. Так неужто Пасильяс?

Сакристан. Слепой сказал: посмотрим! (*Уходит.*)

Солдат. О женщины, женщины! Все вы, или большей частью, переменчивы и капризны. И ты, Кристина, оставила меня, цвет и цветник солдатства, и сошла с этой сволочьей полусакристаном, когда и полный-то сакристан и даже каноник тебе не пара! Но я постараюсь, чтобы тебе не удалось и, сколько могу, помешаю твоему удовольствию, гоня с этой улицы и от твоих дверей всякого, кто мечтает о возможности каким бы то ни было образом сделаться твоим любовником. Я добьюсь того, что заслужу имя бдительного стража.

Входит парень с кружкой и в зеленом платье, как обыкновенно ходят сборщики подаваний для икон.

Парень. Подайте, ради господина, на лампаду на масло святой Люсии, и сохранит она зрение очей ваших. Эй, хозяйка! Подайте милостыню?

Солдат. Эй, друг, святая Люсия, подите сюда! Что вам нужно в этом доме?

Парень. Разве вы, ваша милость, не видите? Милостыню на лампаду на масло святой Люсии.

Солдат. Да вы просите на лампаду или на масло для лампы? Вы говорите: «милостыню на лампаду на масло», и выходит, как будто вы просите на масляную лампаду, а не на лампадное масло.

Парень. Да уж это всякому понятно, что я прошу на масло для лампы, а не на масляную лампу.

Солдат. И вам всегда подают здесь?

Парень. Каждый день по два мараведи.

Солдат. А кто выходит подавать?

Парень. Да кто случится; но чаще всех выходит судомоечка, которую зовут Кристиной, хорошенькая, золотая девушка.

Солдат. Вот как: «судомоечка хорошенькая, золотая?»

Парень. Жемчужная.

Солдат. Так, значит, вам нравится эта девочка?

Парень. Да будь я хоть деревянный, и то она не может мне не понравиться.

Солдат. Как ваше имя? Не все же мне звать вас святой Люсией.

Парень. Меня, сеньор, зовут Андрес.

Солдат. Ну, сеньор Андрес, слушайте, что я скажу вам! Вот вам восемь мараведи; это ровно столько, сколько подадут вам в четыре дня в этом доме и что обыкновенно выносит вам Кристина, и ступайте с богом! Предупреждаю вас, что четыре дня вы не должны показываться у этих дверей ни за что на свете; иначе я переломлю вам пинками ребра.

Парень. Да я весь месяц не приду, если только помню буду. Не беспокойтесь, ваша милость, я уйду. (*Уходит.*)

Солдат. Не дремли, бдительный страж!

Входит другой парень, разносчик, торгующий полотном, нитками, тесемками и другим подобным товаром.

Разносчик (*кричит*). Кому нужно тесемок, фландрских кружев, полотна голландского, кембрейского, португальских ниток?

Кристина (*из окна*). Эй, Мануэль! Есть вышитые воротники для рубашек?

Разносчик. Есть самые лучшие.

Кристина. Войди, моей сеньоре их нужно. (*Отходит от окна.*)

Солдат. О звезда моей гибели, а прежде путеводная полярная звезда моей надежды! Эй, тесемки или как вас там зовут! Вы знаете эту девушку, которая вас кликала из окна?

Разносчик. Знаю; но зачем вы меня об этом спрашиваете?

Солдат. Не правда ли, что у ней очень хорошенькое личико и что она очень мила?

Разносчик. Да, и мне тоже кажется.

Солдат. Ну, а мне тоже кажется, что вы не пойдете в этот дом; иначе, клянусь богом, я разобью вам зубы, так что ни одного живого не останется.

Разносчик. Как же мне нейти туда, куда меня зовут? Ведь я торгую.

Солдат. Убирайся, не возражай мне! А то будет сделано то, что тебе сказано, и сейчас же.

Разносчик. Вот какое ужасное происшествие! Успокойтесь, сеньор солдат, я ухожу. *(Уходит.)*

Кристина *(из окна)*. Что ж ты нейдешь, Мануэль?

Солдат. Мануэль бежал, владычица воротников и всяких петель, живых и мертвых, которые на шею надеваются, потому что ты имеешь власть надевать их и затягивать.

Кристина. Боже! Что за постылое животное! Чего еще тебе нужно в этой улице и у нашей двери? *(Скрывается.)*

Солдат. Померкло мое солнце и скрылось за облака.

Входит башмачник, в руках пара новых туфель; хочет войти в дом и встречается с солдатом.

Солдат. Добрый сеньор, вам нужно кого-нибудь в этом доме?

Башмачник. Да, нужно.

Солдат. А кого, если можно спросить?

Башмачник. Отчего ж нельзя? Мне нужно судомойку из этого дома; я принес ей туфли, которые она заказывала.

Солдат. Так, значит, вы ее башмачник?

Башмачник. Да, я уж много раз шил для нее.

Солдат. Она примеривать будет эти туфли?

Башмачник. Не нужно; они на мужскую ногу, — она всегда такие носит; так она их прямо наденет.

Солдат. Заплачено за них или нет?

Башмачник. Нет еще; да она сейчас заплатит.

Солдат. Не сделаете ли вы мне милость, и очень большую для меня? Поверьте мне эти туфли в долг; я заплачу

вам, что они стоят, через два дня, потому что я надеюсь получить очень много денег.

Башмачник. Конечно, поверю. Пожалуйста что-нибудь в залог; я бедный ремесленник и не могу верить на слово.

Солдат. Я дам вам зубочистку, которую ценю очень высоко и не продам даже за скудо. Где ваша лавочка, чтобы мне знать, куда принести деньги?

Башмачник. На длинной улице, у одного из столобов: а зовут меня Хуан Хункос.

Солдат. Сеньор Хуан Хункос, вот вам зубочистка, цените ее дорого, потому что это вещь моя.

Башмачник. Как, эту спичку, которая не стоит и двух мараведи? И вы хотите, чтоб я ценил ее дорого?

Солдат. Ах, боже мой! Но ведь я вам даю ее только для собственной памяти; потому что, как только я руку в карман и не найду там спички, я вспомню, что она у вас, и сейчас пойду выкупать ее. Верьте солдатскому слову, что ни за чем другим, а только за этим я и отдаю ее вам. Но если вам не довольно, так я прибавлю еще эту перевязь и эти очки: хороший плательщик все может отдать в заклад.

Башмачник. Я хоть и башмачник, а человек учтивый и не осмелюсь лишить вашу милость ваших драгоценностей. Пусть они уж останутся при вас, а при мне останутся мои туфли; так-то будет гораздо складнее.

Солдат. Какой номер этих туфель?

Башмачник. Без малого пять.

Солдат. И я тоже без малого человек, о туфли сердца моего! Потому что у меня нет шести реалов, чтобы заплатить за вас. Послушайте, ваша милость, сеньор башмачник; я хочу импровизировать на эту мысль, которая пришла мне в голову в форме стиха: Туфли сердца моего!

Башмачник. Ваша милость поэт?

Солдат. Знаменитый; вот вы увидите. Будьте внимательны!

Туфли сердца моего.

А вот импровизация:

Мне любовь моя — тиранство;
Ты не веришь в постоянство
Чувств моих; но предо мной
Обувь ног твоих, и таю

И надежду вновь питаю
Обладать твоей рукой.
Эти грубые корзины
Милых ног моей Кристины
Мне любезны до того,
Что, в пылу очарованья,
Я придумал им название
Туфлей сердца моего.

Башмачник. Хоть я и мало смыслю в поэзии, но эти стихи так звучны, как будто их написал Лопе. Уж у меня, что хорошо или что кажется мне хорошим, все это Лопе¹.

Солдат. Так как, сеньор, вы не считаете возможным поверить мне эти туфли в долг, что не составило бы для вас большой важности, особенно при тех приятных залогах, которыми я не подорожил, то по крайней мере сделайте одолжение, поберегите их для меня два дня, я приду за ними. А теперь скажу я сеньору башмачнику, что на этот раз он ни видеть Кристину, ни говорить с ней не будет.

Башмачник. Я исполню все, что приказывает мне сеньор солдат, потому что я вижу, на какую ногу он хромает; он хромает на обе: с одной стороны нужда, а с другой ревность.

Солдат. Ну, уж это не башмачницкого ума дело; чтобы судить о таких предметах, надо иметь классическое образование.

Башмачник. О, ревность, ревность! А лучше-то сказать: ах, бедность, бедность! (*Уходит.*)

Солдат. Если не будешь смотреть зорко, бдительный страж, так увидишь, как заберутся чужие мухи в тот улей, где твой мед. Но что это за звуки? О, без сомнения, это моя Кристина разгоняет пением тоску, когда чистит или скребет что-нибудь.

Слышно пение за сценой под звон перемываемой посуды

Я твоя, мой пономарь, ты так и знай,
И на клиросе покойно попевай!

¹ Сервантес позволял себе иногда легкую иронию насчет Лопе де Вега. Как умнейший человек своего века, отлично знающий Испанию во всех отношениях, и как истинный реалист, Сервантес не мог не чувствовать напыщенности и далекой от правды идеальности произведений Лопе де Вега. (*А. Н. О.*)

Уши мои, что вы слышите! Теперь уж нет сомненья: пономарь друг души ее! О судомойка, самая чистая из всех, какие были, есть и будут в календаре судомоек! Ты так чистишь этот фаянс, что, пройдя через твои руки, он возвращается полированным и блестящим серебром; отчего же ты не вычистишь души твоей от низких и пономарских помыслов?

Входит хозяин Кристины.

Хозяин. Кавалер, чего вы желаете и что ищете у этой двери?

Солдат. Желаю-то я того, чего лучше требовать нельзя; а ищу того, чего не нахожу. Но кто же вы сами, ваша милость, что изволите спрашивать меня об этом?

Хозяин. Я хозяин этого дома.

Солдат. Господин Кристиночки?

Хозяин. Я самый.

Солдат. В таком случае пожалуйста сюда, ваша милость, извольте взять этот сверток бумаг! Там вы найдете свидетельства о моей службе, двадцать два удостоверения от двадцати двух генералов, под знаменами которых я служил, не говоря уже о тридцати четырех других свидетельствах от стольких же полковников, которыми они соизволили почтить меня.

Хозяин. Но, как мне известно, столько генералов и полковников в испанской пехоте во сто лет не бывало.

Солдат. Ваша милость человек мирный, где же вам, да вы и не обязаны, много-то понимать в военном деле; бросьте взгляд на эти бумаги, и вы увидите одного за другим всех генералов и полковников, о которых я говорил.

Хозяин. Ну, положим, что я их всех видел; но к чему все это поведет?

Солдат. А к тому, чтобы вы получили доверие ко мне и к тем словам, которые я вам скажу. А именно, что я назначен на первое вакантное место, которое может открыться в одном из трех замков Неаполитанского королевства, то есть в Газту, Барлету и Рихобес.

Хозяин. Все, что ваша милость до сих пор рассказываете мне, нисколько до меня не касается.

Солдат. А я знаю, что, коли бог даст, это может касаться и до вашей милости.

Хозяин. Каким образом?

Солдат. Вот каким! Я непременно, разве уж небу не будет угодно, получу назначение на одно из этих мест и сейчас же желаю жениться на Кристиночке. А как только я буду ее мужем, ваша милость можете мною и моими весьма значительными доходами распоряжаться, как своей собственностью, потому что я не хочу остаться неблагодарным против вас за воспитание, которое вы дали моей желанной и возлюбленной супруге.

Хозяин. У вашей милости чердак не в порядке.

Солдат. А знаете ли вы, милый сеньор, что вы должны отпустить мне Кристину сейчас, сию минуту, или вы не переступите порога вашего дома.

Хозяин. Это что еще за глупости! Да кто ж в состоянии запретить мне войти в мой дом?

Входят подсакристан Пасильяс, в руках крышка от кадки и перержавленная шпага, за ним другой сакристан в каске и с палкой, на конце которой привязан лисий хвост.

Сакристан. Ну, друг Грахалес, вот он, возмутитель моего спокойствия!

Грахалес. Жаль, что у меня оружие-то плохое и довольно хрупкое; а все-таки я приложу всяческое старание отправить его на тот свет.

Хозяин. Постойте, господа! Что это за безобразие и что за рожон у вас?

Солдат. Разбойники, вы по-предательски, целой шайкой! Сакристаны-самозванцы, да я клянусь вам, что прокалю вас насквозь, хотя бы в вас сидело всяких правил больше, чем в требнике. Ах, подлец! На меня-то с лисьим хвостом! Что ты, за пьяного меня выдать хочешь или думаешь, что сметаешь пыль с священного изваяния?

Грахалес. Нет, я думаю, что сгоняю мух с винной бочки.

У окна показываются Кристина и ее хозяйка.

Кристина. Сеньора, сеньора, моего сеньора убивают! Больше двух тысяч шпаг против него — и блестят так, что у меня в глазах темнеет.

Хозяйка. Да, ты правду говоришь, дитя мое. Боже, помоги ему! Святая Урсула и с нею одиннадцать тысяч дев, защитите его! Пойдем, Кристина, сбежим вниз и будем помогать ему, как только можем.

Хозяин. Заклинаю вас вашей жизнью, кавалеры, остановитесь и заметьте, что нехорошо нападать обманом на кого бы то ни было.

Солдат. Эй ты, лисий хвост, и ты, кадочная крышка, не разбудите моего гнева! Потому что, если вы его разбудите, я вас убью, я вас съем, я вас закину через ворота за пять верст дальше ада!

Хозяин. Остановитесь, говорю, или, ей-богу, я выйду из терпения, и тогда уж кой-кому плохо будет!

Солдат. Я остановился, потому что уважаю тебя ради святыни, которая находится в твоём доме.

Сакристан. Хоть бы эта святыня даже чудеса творила, на этот раз она тебе не поможет.

Солдат. Видано ли что-нибудь бесстыднее этого негодяя! Он идет на меня с лисьим хвостом, на меня, когда я не побоялся и не ужаснулся громовых выстрелов большой пушки Дио, которая находится в Лиссабоне.

Входят Кристина и ее хозяйка.

Хозяйка. Ах, муж мой! Не ранен ли ты, сохрани бог, радость моя?

Кристина. Ах, я несчастная! Клянусь жизнью моего отца, всю эту ссору подняли мой сакристан с моим солдатом.

Солдат. Все-таки хорошо; я с пономарем на одном счету, она сейчас сказала: «мой солдат».

Хозяин. Я не ранен, сеньора; но знайте, что вся эта ссора за Кристиночку.

Хозяйка. Как за Кристиночку?

Хозяин. Сколько я понимаю, эти кавалеры ревнуют ее друг к другу.

Хозяйка. Правда это, девушка?

Кристина. Да, сеньора.

Хозяйка. Смотрите, она, нисколько не стыдась, признается. Кто-нибудь из них тебя обесчестил?

Кристина. Да, сеньора.

Хозяйка. Кто же?

Кристина. Меня обесчестил сакристан тогда, как я танцовать ходила.

Хозяйка. Сколько раз говорила я вам, сеньор, что не надо пускать эту девчонку из дому, что она уж на возраст и мы не должны ее с глаз спускать. Что теперь

скажет ее отец, который сдал нам ее без пылинки и без пятнышка? Куда же, предательница, он заманил тебя?

К р и с т и н а. Да никуда, среди улицы.

Х о з я й к а. Как, среди улицы?

К р и с т и н а. Там, среди Толедской улицы, он, перед богом и всеми добрыми людьми, назвал меня неряхой и бесчестной, бесстыдницей и бестолковой и всякими другими обидными словами подобными, и все оттого, что ревнует меня к этому солдату.

Х о з я и н. А еще ничего между вами не было, кроме этого бесчестья, которое он сделал тебе на улице?

К р и с т и н а. Конечно, нет, потому что сейчас у него сердце и прошло.

Х о з я й к а. Ну, теперь душа у меня опять дома, а то было ушла в пятки.

К р и с т и н а. И вот еще: все, что он мне говорил, он подтвердил в этой записке, где обязался взять меня замуж. Я ее берегу, как золото, в оберточке.

Х о з я и н. Покажи, посмотрим!

Х о з я й к а. Прочтите громко, мой друг!

Х о з я и н. Писано вот что: «Я, Лоренсо Пасильяс, под-сакристан здешнего прихода, говорю, что люблю и очень люблю сеньору Кристину Паррасес; в удостоверение этой истины даю ей эту записку, утвержденную моим подписом. Дано в Мадрите, на монастыре церкви святого Андрея, шестого мая, сего 1611 года. Свидетели: мое сердце, мой ум, моя воля и моя память. Лоренсо Пасильяс». Отличный способ давать брачные обязательства!

С а к р и с т а н. В словах, что я люблю ее, заключается все, что она желала от меня; потому что, кто отдаст волю, тот отдаст все.

Х о з я и н. Так что, если она пожелает, вы женитесь на ней?

С а к р и с т а н. С величайшей охотой, хотя я уже и потерял надежду получить три тысячи мараведи дохода, которые хотела мне отказать моя бабушка, как мне пишут с родины.

С о л д а т. Если отдать свою волю что-нибудь значит, то уж тридцать девять дней тому назад, при входе на Сеговийский мост, я отдал Кристине мою волю со всеми моими душевными способностями. И если она пожелает быть моей женой, то поймет разницу между кастеляном могуществен-

ного замка и не полным пономарем, а только половинным, да и в половине-то кой-чего нехватает.

Хозяин. Желаете выйти замуж, Кристиночка?

Кристина. Да, желаю.

Хозяин. Вот перед тобой двое; выбирай, кто из них тебе больше нравится.

Кристина. Мне стыдно.

Хозяйка. Что за стыд! Кушанье и мужа надо выбирать по своему вкусу, а не по чужому указанию.

Кристина. Вы меня воспитали, вы и выберите мне мужа подходящего; а и сама бы я тоже непрочь выбрать-то.

Солдат. Дитя, взгляни на меня, посмотри, как я изящен! Я солдат; думаю быть кастеляном; имею храброе сердце; я самый любезный человек в мире, и из каждой нитки этого худого колета ты можешь намотать целый клубок моего благородства.

Сакристан. Кристина, я музыкант, хотя и колокольный; украсить гробницу, убрать церковь к годовому празднику — в этом ни один сакристан не может превзойти меня; эти обязанности я могу исполнять и женатый и тем доставлять себе княжеское пропитание.

Хозяин. Ну, девушка, выбирай из двух любого; выберешь, так и я одобрю. Этим выбором ты помиришь двух храбрых соперников.

Солдат. Я подчиняюсь ей.

Сакристан. И я покоряюсь.

Кристина. Ну, так я выбираю пономаря.

Входят музыканты.

Хозяин. Позовите-ка этих молодцов моего соседа-цирюльника! Под звуки их гитар и песен мы пойдем праздновать помолвку, припевая и приплясывая. Сеньор солдат будет моим гостем.

Солдат. Принимаю.

Дали волю выбирать,
Что ж о праве толковать.

Музыкант. Мы пришли как раз во-время, и эти ваши стихи будут припевом к нашей песне.

Музыканты

(поют, обратясь к сакристану)

Норов женский одинаков:
Им всегда милей, что хуже.
Вкус у них на это странный,
Им заслуги нипочем.
Храбрость в малом уваженьи.
В уваженьи только деньги;
Пономарь для них находка,
И не по сердцу солдат.
Что дивиться, что на церковь
Выбор женский упадает?
И преступники ведь тоже
Там убежище находят.
Дали волю выбирать,
Что ж о праве толковать.

(Обращаясь к солдату)

Как и следует солдату,
Одинокому и в летах,
Без копейки за душою,
Отставному инвалиду,
Он задумал, будто может,
Точно древние герои,
Силой взять, что я любовью
И смиреньем заслужил.
Брань твоя не оскорбляет;
Ты в игре остался с носом,
Ты обижен; так ругайся,
Позволяю, не сержусь.
Дали волю выбирать,
Что ж о праве толковать.

Уходят все с пением и пляской.

КОММЕНТАРИИ

Стр. 333. ...*в очках* — в оригинале: «с трубкой» — жестяной цилиндрический футляр, в котором хранили документы.

Стр. 337. *Кембрейское* (полотно) — вернее, камбрейское. Полотно это, очень тонкое и дорогое, выделялось тогда в г. Камбре.

Стр, 340. ... *как будто их написал Лопе*. — Лопе де Вега действительно пользовался при жизни огромной популярностью. В Мадриде стало поговоркой: «Все хорошо, что от Лопе». Слишком резкая оценка произведений Лопе де Вега, данная Островским в примечании к этим словам солдата, расходится с его же мнением о Лопе де Вега, высказанным им в рецензии на постановку пьесы «Лучший алькальд—король» в 1877 г. Там он писал между прочим: «Мы далеко не разделяем мнения некоторых критиков, как Бутервек, например, что Лопе де Вега рисовал только благородство, нет, у него можно найти произведения реальные, где испанцы представлены так, как они есть на самом деле, а не такими, какими они хотели казаться».

Стр. 341. ...*трех замков Неаполитанского королевства*. — Неаполитанское королевство тогда принадлежало Испании. *Гаэта* — город в области Казерта; *Барлетта* — город в области Бари. *Рихобес* — может быть, Реджио, город в Верхней Калабрии, осажденный турками в царствование Филиппа II.